

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ АРМЯНСКОГО НАРОДА

На протяжении долгого времени проблема происхождения и образования армянского народа находится в центре внимания арменистов. И не только арменистов. Она и в наши дни продолжает привлекать к себе пристальное внимание индоевропеистов, археологов, историков материальной культуры и, конечно же, востоковедов.

Несмотря на имеющуюся богатую литературу по проблеме этногенеза армянского народа, она до сих пор не получила более или менее четкого решения и продолжает оставаться предметом оживленных споров, а зачастую взаимоисключающих мнений. Такое положение не может вызвать удивления, если учесть сложность проблемы, научное освещение которой требует объединенных усилий разных специалистов. Между тем до сих пор ее изучали индивидуально, каждый специалист отдельно, отсутствовало объединение коллективных усилий ученых. Нынешнее неудовлетворительное состояние освещения проблемы этногенеза армянского народа, вероятно, нужно объяснить и этим обстоятельством.

Открывая настоящую дискуссию, редакционная коллегия журнала исходит из того, что за последние десятилетия накопилось много разного рода материалов, разработка которых во многом поможет по-новому осветить различные аспекты проблемы и проблему в целом. В то же время мы надеемся, что только участие ведущих ученых разных специальностей сделает такую разработку возможной и освещение темы поднимет на новый уровень, соответствующий современному состоянию арменоведения, археологии, востоковедения, языкознания и других смежных наук.

Начиная дискуссию с публикации статьи профессора кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. Ломоносова Олега Сергеевича Широкова, редакция полагает, что она получит должный отклик и привлечет внимание ученых-специалистов.

МЕСТО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА СРЕДИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ
И ПРОБЛЕМА АРМЯНСКОЙ ПРАРОДИНЫ

(Автохтонность армян по данным сравнительно-
исторического языковедения)

ОЛЕГ ШИРОКОВ (Москва)

Вопрос о прародине и миграциях древнейших носителей армянской речи тесно связан с проблемами генетических связей армянского языка с другими индоевропейскими языками. За столетие после Х. Хюбшмана, впервые обосновавшего существование особой самостоятельной армянской ветви в индоевропейской языковой семье¹, в сравнительно-историческом языковедении прочно утвердилось мнение о большей бли-

¹ H. Hübschmann, Über die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen („Kuhn's) Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“ Bd. XXIII, Berlin, 1875).

зости этой ветви, с одной стороны, к арийским (индо-иранским), с другой — к греческому языку. А. Мейе относил к числу греко-армяно-арийских изоглосс распространение форм прошедшего времени с аугментом ($\epsilon\alpha\epsilon\rho\varsigma = b\rho h\rho = abhizat$), форму род. ед. $*-osjo$ ($\epsilon\pi\pi\omega\iota\sigma = h\rho n\iota - \acute{a}\varsigma\upsilon\alpha\varsigma\upsilon\alpha$), к более широким изоглоссам (охватывающим и некоторые другие ветви) — падежные формы с суффиксом $^-bh-$ ($\rightarrow -d-$: тв. ед. $\varphi\omega\iota\iota\eta\eta\iota$, $\omega\delta\omega\iota\iota$, $\upsilon\rho\omega\iota\eta\iota$ — охватывает также итало-кельтские), некоторые общие лексические явления².

Специфические связи армянского языка с другими индоевропейскими частично освещались в книге В. Порцига³ и специально исследовались Георгом Зольта⁴. Статистические подсчеты Зольта показали, что наибольшее количество лексических изоглосс связывает армянский язык прежде всего с греческим, а также с древнеиндийским языком. Открытия, сделанные за два последние десятилетия, заставляют пересмотреть некоторые из этимологий В. Порцига и Г. Зольта или дать им иную интерпретацию. Здесь в первую очередь следует назвать труды Ст. Манна⁵, Э. А. Макаева⁶, Э. Г. Туманян⁷, Г. Б. Джаукяна⁸. При учете новых исследований греко-армяно-арийские лексические соответствия представляются следующим образом.

Названия астрономических и метеорологических явлений. Армянскому $\omega\rho h$ «солнце» имеется только арийское этимологическое соответствие: др.-инд. $gaví-s$. Только в армянском и греческом индоевропейское название «звезды» имеет протетический гласный, в хеттском — «ларингальный»: $\omega\omega\omega\eta$ — $\alpha\alpha\tau\eta\rho$, хет. $haštira$, $hasterza$ (ср. без начальной $*a-$: др.-инд. им. мн. $tár-as$, тв. $stf-bhis$, ав. вин. ед. $star-\acute{a}m$, лат. $stella$, гот. $stairno$, турф. $A\ \varsigma\epsilon\eta\tilde{n}$, куч. $B\ \varsigma\epsilon\eta\eta\epsilon$ и др.; ср., однако, «средиземноморские» параллели с гласной протезой: баск. $izar$, кабилск. $ithri$, также акк. $lstar$). Армянское название «дня» $\omega\iota\rho$ имеет наиболее близкие параллели в др.-инд. $usra$ «утренняя заря» (ср.: др.-инд. $uśas$, ав. $uša$ «утро») и гр. $\alpha\upsilon\rho\eta\omega\nu$ «утренний» (ср. $\epsilon\omega\tau$, нон.

² A. Meillet, *Les dialectes Indo-européens*, Paris, 1908, 1922², 1950⁴.

³ W. Porzig, *Die Gliederung des Indogermanischen Sprachgebiets*, Heidelberg, 1954; русск. перевод: В. Порциг, Членение индоевропейской языковой области, М., 1964.

⁴ G. R. Solta, *Die Stellung des Armenischen im Kreise der Indogermanischen Sprachen*, Wien («Studien zur armenischen Geschichte», IX, 1960).

⁵ St. E. Mann, *Armenian and Indo-European (Historical Phonology)*, London, 1963.

⁶ Э. А. Макаев, Армяно-индоевропейские лексические изоглоссы и ареальная лингвистика («*Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*», Bd. 20, Heft. 5/6, Berlin, 1967); его же, Значение армянского языка для реконструкции общиндоевропейского состояния («*Գիտություն-ընկերակցության հանդես*», 1967, № 4).

⁷ Э. Г. Туманян, Древнеармянский язык, М., 1971; ее же, Структура индоевропейских имен в армянском языке, М., 1978.

⁸ Г. Б. Джаукян, Урартский и индоевропейские языки, Ереван, 1963; его же, Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам, Ереван, 1964; его же, Общее и армянское языкознание, Ереван, 1978.

эол. $\alpha\beta\omicron\varsigma$), также лит. *aušra* „заря, рассвет“ (ср. характерная метонимия в армянском: „утро“ → „день“, „вечер“ → *գիշեր* „ночь“). К арм. *ամ* „год“ семантически ближе всего др.-инд. *sāma* „год, полугодие, время года“ (ав. *hama-* „лето“, турф. *A şme* „время дождей, дождь“). Название „облаки“, арм. *ամբ*, *ամպ*, имеет параллели в греческом (Hesych.): $\alpha\mu\beta\alpha\kappa\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ „дуновение“ (ср. также $\alpha\mu\beta\alpha\kappa\alpha\tau\eta$, $\Lambda\alpha\mu\alpha\kappa\alpha\tau\eta$), также в арийских: др.-инд. *ambu*, *āmbha-s* „вода“; с распространителем -г- др.-инд. *abhga-s* „дождь, облако“, ав. *awta* (ос. арв „небо“; в других языках только в значении „дождь“: гр. $\alpha\mu\beta\alpha\kappa\alpha\tau\eta$, лат. *Imber* и др.) Греко-армянское название „снег“: *ձիւն* — $\chi\iota\mu\alpha$ (этот же корень в первоначальном значении „зима, мороз“: ав. *zyā*); родственный корень (с распространителем -г-) в значении „зима“: арм. *ձմեռան* — прямая параллель в гр. $\chi\iota\mu\alpha\kappa\alpha\tau\eta$ „годовалый козлик“ (ср. лат. *hibernus* „зимний“). Название „туман“ — арм. *մէգ*, имеет самое близкое соответствие в арийских: др.-инд. *megha-s*, ав. *maēya-* „облако“; более отдалённое (с распространителем -l-) — в гр. $\mu\epsilon\gamma\alpha\lambda\alpha$, также в „северо-восточной“ (албано-балто-славянской) группе (ст.-слав. *мьгла*, лит. *miġla*, алб. *mieguil*), в других языках эти корни имеют значение лишь „изморось, дождь“ (др.-инд. *mih-*, ю.-рус. *мга*, нидерл. *miggelen* „моросить“). Только в греческом, армянском и арийских имеется основа на -s- со значением „летняя жар“: *ջեր* — $\delta\epsilon\rho\alpha\varsigma$ — др.-инд. *haras* (из *g^hheros), родственные образования с распространителем -m- употребляются в разных индоевропейских языках в значении „горячий, тёплый“ (арм. *ջարմ*, гр. $\delta\epsilon\rho\mu\alpha\varsigma$, др.-инд. *gharma-*, ав. *garəma-*, ос. *хъарм*, гъарм, турф. *B çarṁe*, алб. *zjarin*, прус. *gorme*, лтш. *gaime* „тепло“, гот. *warinjan* „греть“, лат. *formus* „тёплый“).

Из специфических армяно-арийских и армяно-греческих названий зверей прежде всего обращают на себя внимание названия диких кошек: *բիձ* „барс“ — др.-инд. *śimha-s* „лев“; *սարձ* „лев“ — м. б. ав. *gaozō* („пантера“?), от глагольного корня, сохранившегося в арм. *արձամ* „рыгаю“, гр. $\epsilon\rho\upsilon\gamma\omicron\mu\alpha\iota$ (ст.-слав. *рыгати, рьзати, рьжѡ*); ср. производные (Hesych.): $\epsilon\rho\upsilon\tau\epsilon\omega\sigma\beta\alpha\tau\eta\varsigma$ „ревун“ $\epsilon\rho\upsilon\tau\epsilon\omega\sigma\beta\alpha\tau\epsilon\iota\sigma\tau\eta\beta\omicron\alpha\varsigma$, $\chi\alpha\iota\acute{\alpha}\tau\epsilon\omega\sigma\beta\alpha\tau\epsilon\iota\sigma\tau\eta\beta\omicron\alpha\varsigma$ $\epsilon\rho\upsilon\tau\epsilon\omega\sigma\beta\alpha\tau\epsilon\iota\sigma\tau\eta\beta\omicron\alpha\varsigma$; родственный глагольный корень, но с табуистической заменой плавного, можно предполагать в греческом названии „льва“: * $\lambda\epsilon\beta\omicron\mu\alpha$ (гр. $\omega\beta\epsilon\iota\tau\eta$, ст.-слав. *роути* „реветь“), ср., однако, $\beta\omicron\sigma\sigma\lambda\omicron\tau\epsilon\alpha\varsigma$ „вечер“ (т. е. „время, когда ревут быки“); *լուսինիք* „рыси“ — гр. $\lambda\omicron\upsilon\tau\eta$ „рысь“ (также лит. диал. *lūnšis*), в других языках этот корень употребляется без начального инфикса (ср.-ирл. *lug*, д.-в.-н. *lúhs*, лит. *lúšis*, с варьированием плавного — ст.-слав. *рысь*). Греко-армяно-арийское название „лисицы“: *սղոխ* — $\lambda\omicron\upsilon\tau\eta$ — др.-инд. *loraça-s*, перс. *gobah* (от основы * $\lambda\omicron\upsilon\tau\epsilon-k$, без распространителя * k — лит. *larpė*, лтш. *larsa*). Название „ежа“ образовывалось с суффиксом -*ip-* (от корня **egh-/ogh-* со значением „змея“): *ողնիք* — гр. $\epsilon\chi\iota\upsilon\alpha\varsigma$ (м. б. фриг. глосса $\epsilon\chi\iota\alpha\varsigma$), ос. *узын* (в других языках — с другими суффиксами: д.-в.-н. *ega-la*, *ign*, др.-англ. *igil*, др.-исл. *igull* — ср.: гр. $\epsilon\chi\chi\epsilon\alpha\kappa\alpha$ „черепаха“, лат.

anguina „угорь“, лит. ezys, др.-русск. ожь, ежь). От вариантов этого корня — название „змеи“: *hđ* (из *eg^hhi-), *ш'д* (ш'д, из *og^hhi-) — εγίς, οφίς (по-видимому, македонское φβείς, εγείς, Hesych.) — др.-инд. ahi-s, ав. aži-š, Aži-s „демон алчности“, ср. также куч. (В) auk (в других языках этот корень употребляется лишь с назальным инфиксом и часто с изменённым значением: лат. ap^his „змея“, ср.-ирл. esc-ung „угорь“, лит. ungurys „угорь“, слав. *o^hжь, *o^hгорь: ср., по-видимому, македонское φβείς, εγείς, Hesych.). Название „рыбы“ — *am^hh*, *z^hh^h* — сближает армянский и греческий с балтийскими (лит. zuvis) и противопоставляет языкам западной группы (лат. piscis, ср.-ирл. iask, гот. fisk). Название „лосось“ не могло, естественно, сохраниться в большинстве арийских и в греческом (из-за отсутствия реалии), но оказывается общим в осетинском и армянском: ос. диг. ласаг. арм. *լասիք*, *լասիք*; первая часть этих слов отражает древнеиндоевропейское название *lōks- и родственно с куч. (В) laks „рыба“, рус. лосось, лит. lašis, lašiša (lašaša), лтш. lasis, прус. lasasso, д.-в.-н. lahs, др.-англ. leahs, др.-исл. lax „лосось“ (заимствование в финском: lohi), а вторая часть армянского слова *-h^h* встречается также в *ov^hh* „овца“ (м. б. родственна *h^h* „труп“). Название „тенёт“ у армянского общее с греческим: *որու* — τρυχός.

Названия птиц: *լոր* „перепелка“ — *չառ* „чайка“ (ср. Hesych. *αἰδύρατος*, *πτεροίς*. Περύχῳ — „перепелка“): *լուպուպ* „удод“ — *ε-ο-ϕ*. Хищные птицы: *գրի* „коршун“ — др.-инд. *śuena-s* „сокол“, ав. saēno, перс. Sīmurγ (из *sēpmurγ) „сказочная гигантская птица“, śahīn „белый сокол“. Армянскому *ործուք* (*шрд^hh*) „орел“ в ведийском соответствует *gīrua (s)* *śuēnas* (название вешего Сокола, похищающего напиток бессмертия); этому ведийскому эпитету соответствует первая часть авестийского сложного прилагательного *əgəziyo-raēna-* „орлокрылый“, которому можно сопоставить греч. поэтическое *αἰγυπιός* „коршун“. Прилагательным на *-io-s может соответствовать существительное на *-o-s, которое, может быть, отражено в глоссах Гесихия: *αἰγυπιός* *αἰγυπιός* *αἰγυπιός* *Περύχῳ* (ср.: совр. перс. aluh „орел“), *αἰγυπιός* *αἰγυπιός*. *Μαχέουνας*: мы можем предполагать инд. *gī-rā-s, иран. *əgəzi-fa-s, в первой части этого сложного слова (*yrgi-) усматривают *αἰγυπιός* (др.-инд. *gīra-*) „быстрый“, но, может быть, лучше здесь предполагать значение „белый, блестящий“ (ср.: *αἰγυπιός*, *αἰγυπιός* „белозубый“, *αἰγυπιός* „с яркими молниями“, куч. В arkwi, турф. A arki „белый“, хет. harkis „белый, светлый“) и сопоставлять с др.-инд. *go-rā-s* „покровитель коров, пастух“ *raṣu-ra-s* „покровитель мелкого скота, овечий пастух“, *ṛi-ra-s* „покровитель людей (героев), царь“, *uṛ-ra-s* „то, к чему привязывают (жертвенное животное), столб“, *stū-ra-s (stu-rā-s)* „макушка, чуб“; реконструируемое *yrgi-rō- „орел, сокол“ можно понимать, таким образом, как „покровитель света, светносец“. Корень со значением „перо крыла“ имел вид *pter-, отраженный в арм. *թիք* „полет“, *թիք* „лист“, *թիք* „бабочка“, *թիք* „порхать“ и греч. *πτερόν* „перо“, *πτερούς*

„крыло“: арийские наряду с этим вариантом корня (ав. *frap-təṛəjat* „птица“) отражают и варианты **petr-* (др.-инд. *pātra-m*, *pāttram* „перо, крыло“) и **per-* (др.-инд. *paṇa-m*, ав. *paṇa* — „перо“), встречающиеся и в других индоевропейских языках (лат. *accipiter* „ястреб“, др.-кимр. *eterin* „птица“, д.-в.-н. *fedara* „перо“, слав. перо, лит. *sraipnas* „крыло“, д.-в.-н. *farn* „папоротник“).

Названия домашних животных в армянском языке также имеют наиболее близкие параллели в греческом или в арийских языках. Греко-армянское название „козы“ — *ափ* = *ωϕ*, возможно, связано с ав. *izaēpa* „из (козьей) кожи“ (из **aiḡe-ino-*?) и не имеет параллелей в других индоевропейских языках, использующих другие корни (ср.: др.-инд. *aḷa-s* „козел“, *aḷpa-m* „шкура“, ст.-слав. азьно, лазьно „кожа“, рус. язык *Ziegenfleisch*, лит. *ozys* „козел“, *ozinis* „козий“, алб. *edh* „козлёнок“, корень **ḡei-*). Армянскому *որթ* „телёнок, оленёнок“ соответствуют гр. *πορτα*, *πορτα* „теленки“, др.-инд. *ṛṭhu-ka* „молодой, дитя, детёныш“ (в других языках этот корень встречается без распространителя **-t-*: д.-в.-н. *fag*, *fargo* „тёлка“, лит. *pēras* „личинка, зародыш“, *perėti* „высиживать яйца“, лат. *parēte* „рождать“). Название „быка, коровы“: *կրծ* „бык“ — др.-инд. *aḥī*, ав. *azī* „непраздная корова (кобыла)“ (имеется родственная основа в кельтском: ср.-ирл. *ḡe* „бык, корова“). Армянскому *առն* „ягнёнок“ имеется соответствие только в греческом (*ἄρνις*) и арийских (др.-инд. *úḡaṇa-s*). Общеиндоевропейское название „овцы“ отражено в *օռն* (*ωϛ-ռն-ը*) — собирательное сложное существительное, где первая часть *ռն* соответствует гр. *οἶς*, др.-инд. *ávi-s*, лув. *hawī-*, иерогл. *ḫa-wa-s*, лит. *avis*, лат. *ovis* и т. д. (а вторая часть идентична в *ռն*): от этого же корня название „пастуха“ *հովիտ* (из **ovi-ro-* „покровитель овец“), образованное по той же модели, как и др.-инд. *gōra-s* „коровий пастух“, *raḥira-s* „овечий пастух“ (и, может быть, как *արարի* „покровитель света, орёл“?).

Название „лошади“ — *մար*, вед. *haya-s* — образовано от того же корня, что и др.-инд. *hipōti* „погоняет; торопит“, *jihīte* „подпрыгивает“ (ср.: лит. *zaišti* „вскакивать“; от корня **ḡnai-* образованы названия других скачущих, быстрногих животных: лат. *haedus* „козлёнок“, гот. *gaits* „коза“, лит. *zulkis*, ст.-слав. заяць). В первом упоминании о лошади в шумерских текстах XVII в. до н. э. она названа „горным ослом“ (*ANŠU·KURRA*); армянское *էջ* „осёл“ восходит к общеиндоевропейскому **ekwo-* (др.-инд. *aśva-s*, ав. *aspa* „лошадь“, лик. *esbedi* „конница“, лат. *equus*, венет. *ekvo-*, др.-ирл. *ech*, др.-англ. *eoh* „лошадь“, ст.-лит. *ešva* „кобыла“; **ekwo-* — гр. *ἵππος* „лошадь“, прус. *aswīnap* „кобылье молоко“, лит. *ašvienas* „жеребёнок“, куч. *В уакве*, турф. *А уук* „лошадь“, иерогл.-лув. *ašūwa*) и, по-видимому, соответствует заимствованию в семитских: акк. *sīšū*, евр. *sūs* „лошадь“ (может быть, и здесь отражён специфический переход перед **ц* латального **k* → арм. *z*, хет.-лув. *š*).

Название «человека» только в греческом, армянском и арийских

имело индоевропейскую внутреннюю форму «смертный»: *ճարդ* — *Þrōto*; — др.-инд. *marta-s*, ав. *marəθō*. Другое древнее название — *ար* «человек, мужчина, муж», по-видимому, родственно в армянском с арийским: др.-инд. *arya-* «благородный», ав. *aryō*, др.-перс. *arya-*, ос. аллон «алан» (но ср.: др.-ирл. *aire* «главный, знатный»?); Название «женщины, жены» *կին* (мн. *կանայք*) ближе всего стоит к греческому *γυνή* (мн. *γυνεῖς*-ες; от того же первоначального корня, но по-другому построенные основы: слав. жена, гот. *qīno*, др.-англ. *swene*, *swēp* и др.). Из других терминов родства выделяются греко-армянские соответствия: *սու* «сноха» — *սός*; (из **puso-*; в других языках это слово вышло из склонения на *-o-*, основы преобразовались: лат. *puſus*, др.-инд. *spuśá*, ст.-слав. *снѣха* и др.); *մայրուհի* «мачеха» — *μητέρα*.

Некоторые анатомические названия: *մարմին* «мясо, плоть» — др.-инд. *marman* «сустав, пах»; *օտ* «горсть, ладонь» — *αῖτι* «осязание, прикосновение» (ср. *αἰτομαι* «трогаю, хватаюсь» лат. *sapio* «чувствую»); арм. *համ* «вкус, проба» из **sam-to-*); *սունդ* «нос» *սունդք* (*սնդունք*) «ноздри» — *ρῖγχος* «свиное рыло»; *ալիք* «ожерелье» — *αὐλή* (Эол. *αὐλή*) «шея». Название «зуба» во многих индоевропейских языках происходит от корня «есть» (др.-инд., ав. *dant-*, лит. *dantis*, прус. *dantis*, гот. *tunþus*, др.-исл. *tǫnn*, др.-а. *tōz*, д.-в.-н. *zant*, лат. *dent-*, др.-ирл. *dét*, кимр. брет. *dant*, корн. *danz*; ср.: арм. *ստամ*, гр. *εἶω* «ем», хет. *ed-mi*, др.-инд. *admi*, *atti*, ав. *cosl*, *xə'ti* «ест», ст.-слав. — *едѣтъ*, *ясти*, лит. *ėdu*, *ėsti*, гот. *itiþ*, *itan*, лат. *e lo*), но только в армянском *ստամ* и греческом *εἶω*- (Эол. мн. *εἶωνες*) в этом отглагольном имени отражен начальный гласный **e/o-*. Название «бороды» только в армянском и арийских имеет распространитель *-tū-* — *մարտք* (*մարտք*), др.-инд. *śtaṣṭi*, ср. также хет. *zama(n)kur-*, а албанском и балтийских суффикс **-go-*, **-gā-* (алб. *mjekër*, лит. *smakras*, *smakra*, лтш. *smakrs* «подбородок»), этот же корень (но без распространителя **-t-*) отражен ещё в итало-кельтских (ирл. *smoch*, может быть лат. *māla*, *maxilla*). Название «руки» арм. *ձեռք* — гр. *χεῖρ* (Эол. *χεῖρ-*, дор. *χίρ* из **χερ-*) может быть родственно с хет. *keššar* (дат. *kešri*; лув. *iššari*, лик. *izze*) и имеет за пределами этой области прямое соответствие только в псевдотохарских (куч. В *ṣar*, турф. А *tsor* «рука») и, по-видимому, в алб. *dorë* «рука», в других языках этот корень встречается лишь в словах с другими значениями (др.-инд. *haras* «удар, толчок», *harati* «берёт, хватает», лит. *zėris* «грабли», лат.-савин. *hīr* «горсть, ладонь», оск. *herlad* «capiat»); в армянском и греческом одинаковым образом построены от этой основы наречия: *մերձ* «около, вблизи» — *մշրմ* «вплоть до» (из **me-χr-*, ср. хет. дат. *kešri*).

Некоторые другие названия анатомических, физиологических явлений. От глагольного корня, отраженного в др.-инд. *ĵambhate*, *ĵābhate* «хватает, схватывает», *ĵambhāyati* «дробить», ав. (ham)zambayati «раздробляет», ос. замбын «зенаю», арм. *ձամբ* «жую», алб. *dhëmb*

„мне больно, болит“, лит. žembù, zembti „резать, кроить“, žėmbi „прорастает“ (инф. zėmbėiti), ст.-слав. зѣбѣ, зѣбсти, зѣбнѣти „раздирать; произрастать“ образованы названия „гвоздя, клина“ и „зуба“ (гр. ζώνη: „деревянный гвоздь“, др.-инд. jambha-s „зуб“, алб. dhēmb, ст.-слав. зобъ; может быть, от этого же корня, но с „непоследовательной сатэмностью“, происходит и слав. гѣба); от этого корня с суффиксом *-el- только в армянском и греческом создано название „челюсти“: ծամելիք — χαίτηλι. От этого же глагольного корня с суффиксом *-n- создано в армянском и греческом հրկն „родовые схватки“ — ὄβουη (эол. ἔβουη) „боль, скорбь, печаль“. Только в греческом, армянском и арийских унаследован корень *(p)stēn- „женская грудь“: ստին — στεῖνον. στεῖνος (Hesych.)—др.-инд. stana-s, stana „женская грудь“, stanī-s „сосок“ (stanya-ш „грудное молоко“), ав. fštano (fštana-), согд. 'štnh (ср.: перс. pistān, ос. фаздон „вымя“—м. б. из арийск. *raya-stana-), в других индоевропейских языках—иной, но родственной, корень *spen- (лит. spenys, прус. spenis, др.-исл. spens, д.-а. spann, д.-в.-н. spunne „сосок“, ирл. stne—*spenjo-, сред.-в.-нем. spenen „кормить грудью“). Армянскому հրատանք-ը „седалище“ соответствуют греч. πρῶκτος „id.“, др.-инд. pṛṣṭha-m „спина“, ав. paṛšta-; арм. քնիկր-ք „внутренности“—гр. ἐντέρα (ср. этот же первоначальный корень—в др.-инд. antra-, antrá-, также в др.-исл. lofar, ст.-слав. отроба „внутренности“, ętro „печень“). В армянском слова կրակն „спина“ и կրակնիկն „пятка“, может быть, родственны с лит. guīnas „бедро, лодыжка“ и восходят к корню *gur-/gūr-, давшему в армянском также ծուր „кривой“, это соответствует греческому γυρῶς „кривой“ (пример дублетов при „непоследовательной сатэмности“ типа русск. город/зород, лит. акмиū/ašmiū?). От глагольного корня, отраженного в др.-инд. jarati, jiryati „становится дряхлым, стареет“, ст.-слав. з(ь)рѣти (откуда зрьно, гот. kaurn, лат. granum), в армянском и арийских употребляется производная именная основа со значением „(физиологически) старый, старик“: ծեր — γέρων „старик“, զրաք „старуха“—др.-инд. jarant-, ав. zarant-, zarta-, ос. зарон1, может быть, также и хет. kaḡu- (ср. также в германских другие производные с суф. -(e)l-: д.-в.-н. karal, др.-исл. karl „(пожилой) мужчина“). В армянском и греческом общий корень для названия „смеха“ (*ḡelū-/ḡyū-, не встречающийся в других индоевропейских языках): ծաղր — γέλωι.

Названия некоторых психических явлений, оценочных и этических понятий. Армянскому ճիշտ-ք „мысль“ соответствует гр. νῆπιον „разум, мысль, решение, совет“, а также др.-инд. māti-s „мера, правильное познание“, abhī-matis „замысел, покушение, преследование“ (от mīmati „от-, измеряет“, куч. В mat-, турф. А me- „мерить“, хет. mehur „время“ и др.), что имеет параллели в северо-восточной- (албано-балто-славянской) языковой группе: алб. mot „погода, год“, mas(mat) „мерю“, лит. mētal „год“, ст.-слав. мѣтити (ср. заимствование в финском: miete „мысль“), а также лат. metior „измеряю“, гот. miltan „мерить“.

От корня со значением „большой, великий“ (*dhō* = ԺԺ, ԺՅԺ — др.-инд. *māha*, *māhi*, ав. *masyaō* „больше“, *māištō* „самый большой“, хет. *me-ik-ki*, также лат. *magnus*, *maxis*, др.-брет. *mu*, гот. *mikils*, др.-исл. *mjǫk*, алб. *madh*) с распространителем **h*- в армянском и греческом образован глагол *dhōshih* „ценю“ — ԺՅԺԻՐՈՎ „завидую“ (ср. по-другому построенные производные от этого корня в других языках: др.-инд. *māhayati* „почитает“, алб. *madhōj* „хвалю“, гот. *mikiljan* „восхвалять“, также греч. ԺՅԺԻՐՈՎ „превозношу“). Армянскому *ստանալ* „выговор, упрёк“ (*ստանալ* „упрекаю, порицаю“) соответствует др.-инд. ԳՆԻՆՆՈՎ — „наказание, изглажение“, *śāsati*, ав. *sāsti* „наставляет, учит“; *սնհծանալ* „ругаю, стыжу“ соответствует др.-инд. *nīdati*, *nīdyate* „порицает, презирает“, ав. *paēd-* (*nāismī* „стыжу“) и греч. ԵՄԻԾՈՎ „стыд, позор“ (так же, как и в армянском — с протетической гласной), ср. также гот. *ganaitjan* „стыдить, поносить“, *naitetns* „злословие“ (несколько дальше по значению стоят д.-в.-н. *peizzen* „мучить, томить“, лит. *piedėti* „ненавидеть“, лтш. *paids* „ненависть“); *հրկիւղ* „страх“ соответствует греческому ԵՄԻԾՈՎ (из **h*ԲԵԻ-ՆՈՎ) „боязливый, трусливый“, др.-инд. *dveṣti* „ненавидит“, ав. *dvaēda* „угроза“; *թաքչիւմ* „прячусь, скрываюсь“ соответствует греческому ԿՓՈՅՈՎ (эол. ԿՓՁՈՎ) „прячусь“, ԿՓՈՎ (ԿՓԻ) „робкий, пугливый“. Название „ошибки, заблуждения“: *սխալ* (мн. *սխալանք*, *սխալիմ*, *սխալիմ* „ошибаюсь“) — др.-инд. *skhala-s*, *skhalapa-m* (ср. *skhalate* „натывается“), может быть родственно с гр. ԵՐՁԱԼԼՈՎ (из *sk^hal-*) „сбиваю с ног; вожу в заблуждение“; *ստանալ* „ложь; ложный“ непосредственно соответствует только корню в греческом ԵՄԻԾՈՎ „лжец“ ԵՄԻԾՈՎ „лгу, обманываю“ (м. б. родственно с пол. *szwdzić*, чеш. *šiditi*, слц. *šudit* „обманывать“?).

Название конкретной деятельности человека, орудий и созданий его труда: *ստանալ* „делаю“ — ԶԻՅՐԻՅՈՎ (буд. ԻՐՈՎ, ԻՐՅՈՎ, аор. ԻՐԻՐՈՎ, ԻՐԻՐԵ) „складываю, строю“ — ав. *arānte* „прочно усаживается“; *ստանալ* „беру“ — ԻՐԻՐԻՅՈՎ: „получаю“, ԵՐԻՐԻՅՈՎ: „поднимаю“ — др.-инд. *grōpi* „получаю, беру“, ав. *ar-* (эгэпав-, эгэпв-) „доставлять“, может быть хет. *ar-pu-zi* „приводит в движение“; *ցրիւմ* (3 ед. ԳՐԻՐ) „разламываю, расцениваю“ — др.-инд. *chugāyati*, *chorayati* „рассыпает“; *աղամ* „молю, мелю“, *աղա-րիւմ* „мельница“, *աղիւր* „мука“ — ԶԼԵՈՎ, ԶԼԵՐՈՎ — др.-инд. *apū-* (из **a*pu-) „тонкий, мелкий“ (ср. также хинди, аја „мука“), ав. *aša-* „измолотое“ (ср.: перс. *ard* „мука“); *ստանալ* „мету“, *ի-ստանալ* „умножаю, увеличиваю“, *ստանալ* „веник“, *ստանալ* (*ստ-ստանալ*) „больше“ — ԵՅԵԼԼՈՎ „подметаю, множаю“ — др.-инд. *phala-m* „плод“, *phāpa-m* „сливки, пена, накиль“, *phāpate* „двигается, прыгает“ (из **phalp-*, родственно с *phalati* „пыхнет, зреет“); *հիւսիւմ* „варю“ — имеет соответствие только в греческом ԵՄՈՎ; глагол „одеваться“ (хет. ԿԵՏ-, Կ-as, куч.-турф. *was-*, *was-*, *yaš-*, алб. *vesh* „одеваю“, *vishem* „одеваюсь“, гот. *wasjan*, др.-исл. *veria*, др.-англ., д.-в.-н. *werian* „одевать“, ср. др.-инд. *vase*, ав. 3 ед. *vaste*, греч. ԵՐԻՐԻՅՈՎ, 2 ед. ԵՐԻՐԻՅՈՎ) только в греческом и армянском имеет презенс на -*pu-* = *q-h*ստանալ — ԵՄԻԾՈՎ; *դուրիւմ* „топор“ — ԹԻՐՈՎ (дор. ԹԻՐՈՎ) „точу“, ԹԻՐԻՐՈՎ „точильный камень“; *հոսիւմ* „шило“ — ԿԵՐՈՆՈՎ „булавка,

игла" (ср.: *πείρω* „прокалываю, пронзаю“, *πέρω* „стараюсь, пробую“, ст.-слав. на-періω, на-перити). В армянском и греческом совпадают (и не имеют параллелей в других языках) названия „моста“ и „колонны“: *ηωδπιρρ*—*γερρρα* (беот. *βέρρα*, крит. гортин. *ζέρρα*), *υρήν*—*λίον*; сюда, по-видимому, можно еще добавить название жилища“: греч. *αὐλή* (может быть, родственно с *ἰών* „сплю“) — арм. *ωιβ*—(если только это слово не имеет прямой арийской параллели: др.-инд. *avasthi-s* „положение, состояние“, ср. также *avasthá* „положение“, может быть, допустимы также сопоставления *ωιβων*—*avasthana-m* „местопребывание“, *ωιβ-ωιβ* „позор“—*abhy-ava-sthita-s* „сопротивляющийся, противостоящий“); название „могилы“: *ηωδρων* (*ηωδρωων*)—*ταφος* (ср.: *ταφος* „крепостной ров“, *θαπώ* „хороню, погребаю“, основы **dh̥mbh₁-*—**dh̥mbhes-*, **dh̥mbh-г/п-*, **dh̥mb(oh-)*). Если признать родство греческого *πόλις* „город“ с *πέλωμαι* „вращаю“ (др.-инд. *carati* „бродит, странствует, следует“), *πόλις* „ось“ (др.-инд. *cala-s* „вращение“, арм. *բղի* „дышло, стержень, руль“, куч. В *kele* „пул“), также *τέλος* „конец, цель; власть“ и, следовательно, не принимать сопоставления с др.-инд. *pīṭ*, лит. *pilis* „замок, крепость, кремль“, то ближайшей параллелью к *πόλις* следует признать арм. *քաղաք* „город“ (заимствование в грузинском *ქალაქი*): другую этимологию этим словам предложил В. Винтер⁹ и.е. **r̥ul̥-* → *քաղ(աք)*, др.-инд. *ruṭ*, **r̥ul-* → *πολις*, *πόλις* (т. е. и.е. **r̥u-* → арм. *ք-*, гр. *π-*, *πτ-*, ср. *πόλεμος/πτόλεμος* „война“—**-Foleros?*), сюда же и лит. *pilis* (следовательно, мы должны предположить об общиндоевропейском названии «укрепленного места», отраженном в южной, греко-армяно-арийской области и, частично, в северо-восточной)¹⁰.

К перечисленным группам слов нужно добавить еще два прилагательных: *υπέρ* „чистый, святой“—вед. *ṣubhga-* „блестящий, прекрасный“ (другое образование от того же корня—хет. *šurri-* „ритуально чистый“): *υρήν* „пустой“—*κενός* (ион. *κενός*, из **kenFos*). Наречие *ωρη* „сейчас, только что, теперь“, *ωρηι* „новый“—*ἄρτι* „недавно, только что“ (ср. полное греческо-армянское совпадение в сложном слове: *ωρηωδρῖν*—*ἀρτιγενής* „новорожденный“), этот же корень может быть в др.-инд. *pūs* „порядок, определенное время“, ав. *ratav* „отрезок времени“ (за пределами южной группы, может быть, лит. *arti* „близ“), но только в греческом полное совпадение в значении с армянским. Далее—числительное *υἱ* „один“—*μία* „одна“; числительному *ἑνὴν* „девять“ непосредственно соответствуют только греческие *ἕντης* (ион. *ἐντης*, арл., крит. *ἑντης*) „девятый“, *ἐντ-ἑσῆς* кипр. *ἐνντ*, гом. *εἰνα-ετες*

⁹ W. Winter, Problems of Armenian phonology. II (Language, 31 (1955) 1—7, p. 8).

¹⁰ Допустимо и еще одно гипотетическое объяснение. В общиндоевропейском языке сохранялись дублиеты с варьированием **k^u*: **p*, в данном случае—корень **k^u* (e)l-/p(e)l-, по-разному отраженный в названии укрепленного поселения в индоевропейских диалектах южной, отчасти и северо-восточной группы.

„девятилетний“. $\epsilon\iota\nu\alpha-\nu\nu\lambda\epsilon\varsigma$ „за девять ночей“, $\epsilon\iota\nu\alpha$ „девятый день“ $\epsilon\iota\nu\acute{\alpha}\lambda\iota\varsigma$ „девять раз“, $\epsilon\iota\nu\eta\mu\epsilon\rho$ „девятидневка“ (основа $\epsilon\iota\nu-\nu\epsilon\Gamma\upsilon\delta$), дальше (по огласовке) отстоит атт. $\epsilon\iota\nu\epsilon\alpha$ „девять“ (из $*\epsilon\iota\nu-\nu\epsilon\Gamma\upsilon\delta$), эти греко-армянские соответствия противостоят простой основе * neup- , * neup- в других и.-е. языках (др.-инд. pávan , др.-инд., ав. pava , куч.-турф. ñu , др.-лат. pecep , др.-ирл. poí , кимр., корн. paw , гот., д.-в.-н. piup , м. б. алб. тоск. pëndë), основа на * d- в языках северо-восточной группы (ст.-слав. деветь , лит. devynt , ср. алб. гер. pdandë).

В этих отобранных словах явно преобладают греко-армянские соответствия, армяно-арийских и греко-армяно-арийских меньше, но и они составляют значительный и древний пласт лексики. Если учесть, что имеется и большое число греко-арийских исключительных соответствий, которые могли просто не сохраниться в позже засвидетельствованном армянском (например, превосходная степень на $-\text{*lego}$, медно-пассивное окончание $-\text{*lai}$ и др.), то мы можем предполагать о существовании южной древнеиндоевропейской греко-армяно-арийской диалектальной области. Обращают на себя внимание также соответствия этой южноиндоевропейской диалектальной области (и, в частности, именно армянского) с хетто-лувийскими (анатолийскими) языками.

Семантика многих из отмеченных соответствий указывает, что эти ареальные контакты должны были происходить в области к югу от Черного моря (ср., например, изоглоссы в названии «льва»), и, возможно, недалеко от бассейна Каспийского моря (ср. армяно-арийское соответствие в названии «лосося»).

К этим лексическим соответствиям следует добавить еще некоторые фонетические (охватывающие также и анатолийские языки).

1. Закон ассимиляции $*k\upsilon \rightarrow$ гр. α (F)-, арм. α хет. ξ (υ)¹¹. Германскому $*hvel-$, $*hval-$ (д.-а. hwelan „реветь, бушевать“, hwall „лихой стремительный“) соответствует гр. $\alpha\lambda\iota\upsilon\varsigma$ (из $\alpha\lambda\gamma\alpha\lambda\iota\upsilon\varsigma$) „морская качка, волнение“, $\alpha\lambda\iota\upsilon\epsilon\iota$ „колеблет, качает (в море)“, арм. $\lambda\omega\eta$ „роса, изморось“, $\lambda\omega\eta\lambda\omega\delta$ „замешиваю, закручиваю“, $\lambda\omega\eta\mu\lambda\omega\delta$ „размешиваю, разжижаю“ (может быть, ос. цал „дрожжи, закваска“?); др.-исл. hvatte „травянистая лощина“ соответствует гр. $\alpha\lambda\gamma\alpha\lambda\iota\upsilon\varsigma$ „болотистый, рыхлый“, арм. $\lambda\omega\delta\lambda$ „камышовая подстилка“; латинскому quego „жалуюсь, сетую“, кимр. chwythu , брет. chwéza „дуть, пыhtеть, продувать“, др.-исл. hvisla „шептать, свистеть“, д.-а. hvistlian „свистеть, завывать, бушевать“ соответствует гр. $\alpha\lambda\gamma\alpha\lambda\iota\upsilon\varsigma$ „шипеть, свистеть“, $\alpha\lambda\gamma\alpha\lambda\iota\upsilon\varsigma$ „подзывать стадо“, арм. $\lambda\lambda\lambda\lambda$ „свищу, шиплю, шелещу“ (м. б. ос. (а)хситт „свистеть“?; также ст.-слав. свистати , лит. švikšlù, švikšēti); д.-а. hwitel „плащ“ — гр. (Hesych.) $\alpha\lambda\gamma\alpha\lambda\iota\upsilon\varsigma$ „шерстяной плащ“, арм. $\lambda\lambda\lambda\lambda$ „блестящий“ (ср.: др.-инд. çvitra- , çveta- , „белый“, лит. švitù, švitēti ,

¹¹ В отличие от других языков «сатэм», где фрикативные рефлексы * k в позиции перед * h не отличаются от рефлексов в других позициях, армянский (подобно анатолийским и, может быть, греческому) отражает особое, специфическое развитие * k перед * h (в λ , α и ϵ в υ).

šviēsti, ст.-слав. свѣтѣти, свѣтъ, также укр. свитка, лит. svīta „женский белый шерстяной плащ“, заимствование в финском viitta); также *σάλον* „слона“ — *σάλω*, *σέλας* — *σάη*, *σάρακος* „кузнецик“ (ст.-слав. свъръчькъ, рус. сверчать = лит. svirkšti „жужжать“) — *σάραξ* „шорох, шелест“. В названии „собаки“ армянский закономерно имеет анатолийские *šū-* (*šm* = иерогл. švan-, suwapa-, ср.: др.-инд. *śva*, ав. *sra*, лит. *šuo*), в греческом должно было происходить чередование *σῶν: *σῶκος* (*к перед *ш* переходила в *з*, перед слоговым *ш* сохранялась), но по аналогии с косвенными падежами возникла форма *κῶν* (ср. турф.-куч. *ku*, гот. *hund* и др.). В названии „лошадь“ (арм. *կշ*, иерогл. *ašūwa-*, лик *esbe* и др.) греческий имеет не ясное по этимологии слово *ἵππος*, следовало бы ожидать *ἑσῶς, или *ἑσῶς, однако сохранились следы подобных образований с *з* в словах *σάραξ* „деревянное седло“, *σάρακος* „верховой гонец“, может быть, также в *Πήλαρος* (*πῆρος *σῶς* „Λεβητικός“), также в *ἵππος* (из *ἑσῶς?) „лошадь“ (лат. *asinus*?); семитские заимствования этого слова (акк. *sīšū*, евр. *sūs* „лошадь“; ср. м. б. шумерск. *apšū* „осел“) отражают эту южноиндоевропейскую аксьбиляцию *к перед *ш*, такие контакты могли быть только в Передней Азии и это свидетельствует в пользу гипотезы о территории греко-армяно-арийского ареала в областях к югу от Черного и Каспийского морей (южное Закавказье, северная Месопотамия).

2. «Передвижение согласных». Распространено мнение (под влиянием в особенности работ А. Мейе), что армянский консонантизм (серии согласных) изменился под влиянием кавказского субстрата. Современные исследования, наоборот, говорят скорее в пользу архаизма армянского консонантизма, а не преобразований. Армянским *ц, ш, ч* лишь в особых случаях соответствуют гр. *λ, τ, κ*, др.-инд. *р, т, к* (в других позициях мы имеем армянские *ц, ш, ч*); армянские *р, г, ж* регулярно соответствуют и первоначально совпадали по звучанию с др.-инд. *bh, dh, gh* (в греческом произошло оглушение: *φ, θ, χ*). Древнее различие наблюдается лишь при регулярном соответствии арм. *ц, ш, ч* = гр. *β, δ, γ*, др.-инд. *b, d, g*. Однако закон озвончения в арийских языках (закон Бартоломэ) говорит, что изменения произошли скорее всего именно в индо-иранских (а значит также и в греческом), а не в армянском. В соответствии с этим законом в группах общеарийских согласных *b, *d, *g + *р, *t, *к возникает глухой рефлекс (др.-инд. *yukta-* „соединенный“ от *yuj-/yug-* „соединять“, *datta-* „данный“ от *da-/dad-* инфинитивы *yuktum, chet-tum* „резать“ — ср. *ciccheda* „отрезал“), но в группах *bh, *dh, *gh + *р, *t, *к происходит озвончение (с переносом придыхания: др.-инд. *dagdha-* «сожженный», *buddha-* «побужденный», *labdha-* «полученный» — причастия на *-ta-* от *dah-/dagh-*, *budh-*, *labh-*; инфинитивы на *-tum*: *dag-dhum, bod-dhum, lab-dhum*); следовательно, озвончать последующие согласные могли только придыхательные (*bh, dh, gh*, соответствующие армянским *р, г, ж*), согласные же *b, d, g* (соответствующие армянским глухим *ц, ш, ч*) не озвончали, а значит первоначально и сами (как соответствующие им армянские) не

были звонкими. На основании закона Бартоломэ, таким образом, в общеарийском восстанавливается система серий согласных, близкая армянской.

В хеттской клинописи закономерно соответствующие армянским *ս, տ, Կ*, арийским *b, d, g* анатолийские согласные обозначаются не удвоенным написанием (*-p/b-, -t/d-, -k/g-*: *pí e-da-an = 𐎱𐎠𐎺*, *qa-a-tar, ú-e-te-na-aš*, дат. *u-i-ti = 𐎱𐎠𐎺*, *mitalmi -- d(𐎠)*), согласные эти были в хеттском языке глухими, как показывает их египетская передача в заимствованных именах (*Pthp*—хет. *Puduḫépa*, *Škrwš'*—хет. *šaklai-*, *Ḫrpntrys*—хет. *Ḫarandaiiaš*, *Ḫssp*—хет. *Ḫlsšašḫara*)¹². Эта серия согласных (*ս, տ, Կ = β, ϝ, γ = b, d, g*) была ущербной в губном ряду (нет общиндоевропейских этимологий на арм. *ս* = гр. *β* = др.-инд. *b*).

Типологические сопоставления с нахско-дагестанскими и с семито-хамитскими языками показывают, что в языках с тремя сериями шумных согласных (1. ненапряженные глухие—2. звонкие—3. глухие ненапряженные или абруптивные) ущербной (в губном ряду) бывает именно глухая напряженная (или эмфатическая, или абруптивная) серия (типологически соответствующая армянским *ս, տ, Կ*)¹³. Это говорит, во-первых, о древности армянского типа трех консонантных серий, сохраняющего первоначальное общиндоевропейское состояние¹⁴, и, во-вторых—о возможных ареально-типологических контактах общиндоевропейского праязыка, с одной стороны, с нахско-дагестанскими (и урартским-хурритским), с другой—с семито-хамитскими языками¹⁵. Территория этих контактов могла быть лишь в областях, совпадающих или лежащих вблизи с областями, занимаемыми армянским языком в историческую эпоху¹⁶. Все это говорит об афтохтонности армян на занимаемой ими территории.

¹² Т. В. Гамкрелидзе, Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке («Переднеазиатский сборник», I, М., 1961, с. 268), его же, Вопросы консонантизма клинописного хеттского языка (там же, III, 1979, с. 73).

¹³ О. С. Широков, Армяно-греческие этногенетические контакты по данным сравнительно-исторической фонологии («Պատմա-բանասիրական հանդես», 1977, № 1) (там же см. подробную библиографию).

¹⁴ О. С. Широков, Диалектные различия индоевропейского консонантизма в диахроническом аспекте («Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка». «Тезисы докладов и сообщений» (Баку, 21—24 октября, 1975), М., 1975); его же, Источники наших знаний об изоглоссах общиндоевропейского диалектального континуума («Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка». «Тезисы докладов и сообщений» (Нальчик, 21—24 сентября), 1977, М., 1977).

¹⁵ О. С. Широков, Развитие трех серий шумных согласных в диалектах общиндоевропейского праязыка и проблема индоевропейско-переднеазиатских фонологических контактов («Теория и история языкознания», вып. I, «Язык как процесс и система», М., 1975).

Несколько позже (1977) и несколько иным путем схожие выводы обосновал Т. В. Гамкрелидзе («Изв. АН СССР», серия л-ры и языка, т. 36, № 3, сс. 195—200); предварительные сообщения об этом были сделаны в 1972 г. на конференции по сравнительно-исторической грамматике и-е. языков (Москва, Институт славяноведения и балканистики АН СССР, тезисы Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, О. С. Широкова).

¹⁶ О. С. Широков, Гипотеза о малоазиатском происхождении греков

Насколько известно, у археологов и у антропологов также нет веских аргументов в пользу распространенной гипотезы о сравнительно позднем приходе предков армян в центральную и восточную Анатолию и в южное Закавказье с запада (с Балканского полуострова). Это предположение опирается прежде всего на свидетельство Геродота (Hdt. VII, 73; ср. также Strab. VII, 295), что армяни были *Φρυγῶν ἀποικοί* «переселенцами от фригийцев» (т. е. из Фригийской земли). Однако эта фраза Геродота говорит лишь о местной миграции (по-видимому, из центра Малой Азии, где во времена Геродота помещалась Фригия, к Евфрату). Никаких убедительных доказательств в пользу особого родства фригийского языка с армянским у нас нет. Напротив, более или менее надежные этимологии дошедших до нас фригийских глосс¹⁷ показывают, что армянским напряженным (непридыхательным) глухим во фригийском должны были (как в индоевропейских языках северо-восточной группы) соответствовать звонкие согласные (т. е. во фригийском не было так назыв. «передвижения согласных»): *αλεν* — «борода» — *ծիւն*, *Βαχαιος* = рус. бог, *βεδω* — *գին*, *γελαρως* — *լիւր* (сопоставление же *βειος* «хлеб» с греч. *κωρειν* «жарить», нем. *backen* сомнительно). Так же звонкими были рефлексы этих согласных во фракийском и иллирийском языках, с которыми фригийский был, по-видимому, родственен (можно предполагать, что эти языки входили в северо-восточную группу, современными представителями которой являются албанский, балтийские, славянские: это языки «сатэм», не различающие рефлексy придыхательных и «звонких», не различающие рефлексy о:а)¹⁸.

Область предполагаемой протоармянской прародины и древнейших греко-армяно-арийских контактов в общем должна была совпадать с теми областями, где вообще впервые засвидетельствовано пребывание индоевропейцев (хеттов и северо-месопотамских «арийцев»), откуда

(«IV конференция по классической филологии. Тезисы докладов», Тбилиси, 1969); его же. Кавказско-индоевропейские фонологические схождения («Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы», М., 1972); его же. Греческо-грузинские и кавказско-индоевропейские контакты в фонологии («Всесоюзная научная конференция: «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Черноморья», Тбилиси, 1975); его же. Армяно-греческие этногенетические контакты по данным сравнительно-исторической фонологии («XIV Международная конференция античников социалистических стран. Ереван, 1976).

¹⁷ В. П. Нерознак. Палеобалканские языки, М., 1978, сс. 134—155.

¹⁸ Ср. О. С. Широков, Албано-балто-славянское единство (обоснование гипотезы данными фонетики) («Научный ежегодник Черновицкого университета за 1959 г.», Черновцы, 1960); его же, Албано-балто-славянский и германский (опыт славянской и индоевропейской глотохронологии) («Тезисы всесоюзной конференции по проблемам германо-славянских языковых связей», Минск, 1963).

можно предполагать древнейшие миграции населения¹⁹ и распространение неолитических земледельческо-скотоводческих культур²⁰ (с чем и было связано распространение древнейших индоевропейских диалектов в Европу и в Среднюю Азию).

¹⁹ Ср.: Г. Чайлд, У истоков европейской цивилизации, М., 1952, сс. 80, 111 сл., 127 сл.; его же, Древний Восток в свете новых раскопок, М., 1956, с. 327; Б. Брентнес, От Шанидара до Аккада, М., 1976, с. 13.

²⁰ Ср. о прародине злаков: Н. И. Вавилов, Центры происхождения культурных растений («Труды по прикладной ботанике и селекции», т. 16, вып. 2, Л., 1926); П. М. Жуковский, Культурные растения и их сородичи, М., 1950.